

1. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity / U. Beck. – London: Sage Publications, 1992.

2. Губанов, В.М. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них / В.М. Губанов, В.П. Михайлов, В.П. Соломин [Электронный ресурс]. – М., 2007 г. – Режим доступа: <http://www.litmir.net/> – Дата доступа: 17.09.2013 г.

3. План совместных действий государственных органов и участников финансового рынка по повышению финансовой грамотности населения Республики Беларусь на 2013 – 2018 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/> – Дата доступа: 17.09.2013 г.

ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР: «ХЛЕБ И ЗРЕЛИЩА» КАК СРЕДСТВО ТОТАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Л.И. Лукьянова, г. Гродно, Беларусь

Хлеб и зрелища («Panem et circenses») – девиз римских обывателей – вот тот минимум, который необходим современному мировому правящему классу, чтобы держать народ под контролем. Как известно, «хлебные законы» (*leges frumentariae*) в Древнем Риме утвердили государственную политику раздачи хлеба. Зерно давали народу бесплатно, или по сниженным ценам. И эти социальные пособия, которые, кстати, получали 300 тысяч римских граждан, позволяли поддерживать их лояльность к правящей верхушке. Эту лояльность в не меньшей степени обеспечивали публичные зрелища – гладиаторские бои в Колизее. Их политическое значение было так велико, что Цицерон предложил специальный закон, запрещающий кандидату в магистраты давать представления гладиаторов в течение двух лет до выборов, чтобы не получить с их помощью благорасположение граждан. Характеризуя принцип римского плебса, сатирик Ювенал писал: «Сдержан теперь и о двух лишь вещах беспокойно мечтает: хлеба и зрелищ». Как видим, принцип «хлеба и зрелищ» весьма лаконично описывает эффективные механизмы господства элит, которые успешно пережили римскую эпоху, изменяясь и трансформируясь в последующие времена [1].

Если обратиться к истории, то проблема организации зрелищ всегда занимала внимание правителей. В Древней Греции – это олимпийские игры, греческий театр; в Древнем Риме – бои гладиаторов; в Средние века – карнавальная культура. Начиная с Нового времени, организация массового искусства становится все более многообразной. Зрелища становятся великой силой, способной сплотить и вдохновить общество на определенные деяния. Этому помогало открытие печати и появление газетной продукции, затем кинематографа, что и сформировало в конечном счете массовую культуру (термин Ортеги-и-Гассета),

приспособленную для нужд простолюдинов. Еще больший вклад внесло открытие телевидения и, наконец, компьютера.

Лишив людей возможности участвовать в управлении государством, и превратив их в наемных рабов, власть сформировала «мир грез» – то, что хоть как-то компенсировало это унижение и бесправие – воплощенный в кинофильмах и компьютерных играх, своего рода альтернативную реальность, которую пытаются сделать смыслом существования для большинства людей.

Заказчиком этой политики глобального мира выступают США, создавшие тотальную систему так называемой «промывки мозгов» (термин Андрея Ваджры). На начальном этапе эту роль выполняла пресса, направляя в определенное русло ежедневную информационную политику США. С этой целью из 179 газет, выходивших в США, были отобраны 25 наиболее крупных газет, и с их помощью был осуществлен надлежащий надзор за содержанием прессы. Постепенно с выходом американских СМИ на мировую орбиту, начала складываться повсеместно монокультура потребления и развлечения массового читателя.

С развитием телевидения именно оно становится основным источником информации для среднего американца – и основная тематика СМИ из международных новостей – катастрофы и успешные американские военные акции. Несмотря на отсутствие в США особого аппарата идеологической обработки масс, американской элите удалось тотально идеологизировать общество. Так, идеологический контроль существует во многих газетах, журналах; естественно на телевидении, где именно узкий круг профессионалов решает, как отбирать и подавать информацию, какие снимать фильмы, программы для ТВ, какие устраивать зрелища и массовые шоу. А поскольку идеологическое давление в США и других странах Запада осуществляется без видимого принуждения, в неявной форме так, что со стороны тех, кто получает эту информацию и подвергается обработке, восприятие происходит без особых усилий как развлечение и приятное времяпровождение.

Начавшись в США, доктрина «тотального контроля» за информацией в целях перестройки массового сознания и мировоззрения посредством воздействия современных средств манипуляции всей духовной сферой человека дополнилась применением новых технологий. В свое время известный английский писатель, автор ряда социально-критических и культурологических эссе Джордж Оруэлл в своем романе-антиутопии «1984», посвященном обществу будущего, которое зиждется на тотальном контроле мыслей и стремлений населения, описывал применение манипулятивной технологии – «двухминуток ненависти». В Оруэлловском государстве их посещение было обязательным для всех подконтрольных лиц. В ходе этих процедур люди должны были

просмотреть специально разработанный видеоролик, моделирующий образ врага существующего порядка во всем его устрашающем виде, а затем образ главы режима – спасителя, избавителя и защитника от тех чудовищных несчастий, которые принес и принесет враг [2]. С того времени, когда Оруэлл разрабатывал свою концепцию косвенного управления и социальной инженерии, возможности в управлении людьми и модификации их поведения в нужном направлении, многократно возросли. Поэтому в XXI веке вопрос о тотальном моделировании и планировании давно имеет уже не теоретическое, а практическое значение. Философы Запада, изучающие современность, говорят о возникновении так называемого «общества спектакля» (термин французского философа Ги Дебора). Развивая эту мысль, известный российский исследователь С. Кара-Мурза подчеркивал, что в условиях глобального мира формирование «общества спектакля» приобрело мировой масштаб: «При этом в самой технологии манипуляции массовым сознанием повторение – главное средство недобросовестной пропаганды» [3].

При этом проблема «хлеба и зрелищ» осталась неизменной. Что касается «хлеба», то на смену государственному регулированию продовольствия пришли ТНК. Они монополизировали процесс семеноводства и уже к середине 80-х годов контролировали более 50% мирового рынка семян, устанавливая ограничения на ведение самостоятельной работы и производство семян фермерами, а затем выведением таких сортов растений, в который встроен «ген-терминатор», блокирующий прорастание семян второго поколения. Это вынуждает фермеров каждый год покупать семена у фирмы-производителя.

Еще одна из массовых реакций глобального мира стала игрализация реальности, то есть внедрение принципов игры в прагматические жизненные стратегии, что позволяет людям хоть как-то адаптироваться к хаосу «переходного периода». Контент практически всех компьютерных игр в настоящее время задается фирмами-производителями США. Более того, технология Интернет не признает условностей государственного суверенитета, форм политического участия, иерархических структур, политических партий и других институциональных субъектов политики. Расширяя, с одной стороны, информационные возможности людей, с другой – создает неограниченные возможности манипулятивного воздействия на личность.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что в современном глобальном мире почти невозможно пресечь происходящее в мире массивные враждебные нам процессы путем создания зон «контролируемого хаоса». Но мы можем изучить эту технологию, найти методы обнаружения наших слабых точек, на которые будет направлено воздействие и укрепить на этих участках нашу национальную оборону. Философия как наука

прогностическая, предупреждающая, всегда находится в поисках объективных ответов на те или иные сложные вопросы. В условиях современного глобального мира только философская культура способна обнаружить грани между иллюзией и реальностью, виртуальной жизнью и истинным бытием. Российский философ Г.Л. Тульчинский в этой связи отмечал: «В истории философии уже неоднократно случались подобные периоды пробы сил разума... Поэтому перспектива философии может быть связана только с поиском перспектив нового гуманизма, новой гомодицеи» [4, с.7].

Литература:

1. Куманецкий, К. История культуры Древней Греции и Рима / К. Куманецкий. – М, 1990.
2. Оруэлл, Дж. «1984» и эссе различных лет / Дж. Оруэлл. – М, 1989.
3. Кара-Мурза, С. Краткий курс манипуляции сознанием / С. Кара-Мурза. – М, 2003.
4. Тульчинский, Г.Л. Гуманитарность против гуманизма / Г.Л. Тульчинский // Философские науки. – 2008. – № 12.

МИФОЛОГЕМА «РИСКА» В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ И МАССОВОМ СОЗНАНИИ

М.Н. Мазаник, г. Минск, Беларусь

Категория риска активно проникает в социальные науки с начала 1970-х годов. Не останавливаясь подробно на социокультурном контексте дисциплинарной институционализации риска, следует отметить своего рода симптоматичность такого интереса именно для периода теоретико-методологического кризиса западного социального познания, связанного, в свою очередь, с невозможностью объяснения с фактуалистских позиций резких социальных и экономических сдвигов. Обычно в качестве основателей «парадигмы рисков» упоминаются У.Бек (автор концепта «общества риска»), Э.Гидденс, Н.Луман, представителей синергетики. Однако сам подход к рискам как одной из основных характеристик современных обществ был запрограммирован не столько удачностью концепта, сколько его «идеологической» приемлемостью для информатизирующихся социально-экономических систем. В «новом настоящем» концепт риска неявно возник именно как мифологема массового сознания, постфактум отрефлексируемая теоретически. Показательна идея У.Бека о рисках как показателе ориентированности общества не на прошлое, а на будущее. Ризику придается статус универсального параметра динамических социальных систем. Существование рисков как фактора стабильности/динамики общества определяются прежде всего удельным весом инновационности в различных его сферах. Претензии